

Время незаметно пролетело, и наступил август.

В эти дни Госпожа Ли повадилась каждое утро брать с собой матушку Тянь на гору для молитв. Всякий раз, когда служанка заводила речь о пожертвованиях на благовония, Ли ловко уклонялась, ссылаясь на строгий запрет зятя. В глубине души она уже догадывалась, что Тянь состоит в сговоре с кем-то из монастырских.

Однажды после полуденной постной трапезы Госпожа Ли прилегла отдохнуть в келье, а матушка Тянь, решив, что хозяйка уснула, тихонько выскользнула наружу. Она разыскала того самого монаха, с которым привыкла делить добычу, и между ними завязался негромкий разговор.

— Что это с твоей госпожой? — ворчал монах. — Который раз приходит, а от неё ни медяка не дождешься.

— И не говори, — сокрушалась служанка. — У нас теперь в доме новый хозяин. Всеми деньгами управляет тот парень, что вошел в семью, госпожа и пикнуть при нем не смеет.

— Вот оно что... А ты не пробовала подбить этого молодого господина на богоугодное дело? Пусть поднимется на гору да пожертвует на масло для ламп.

Старуха сплюнула.

— Куда там! Этот г'эр себе на уме, его не проведешь. На днях заставил хозяйку купить статуэтку Гуаньинь для дома, чтобы здесь лишний раз не тратиться. Боюсь, теперь нам перепадет не скоро...

Они и не заметили, что за ближайшей колонной Госпожа Ли, до боли сжав в руках платок, едва не крошила зубы от ярости. Столько лет эта женщина подстрекала её к молитвам, а она, глупая, и не знала, что кормит этих бездельников за счет собственного сына!

— Матушка Тянь! Матушка Тянь! — позвала она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Я здесь! — Тянь вздрогнула и поспешно подбежала к хозяйке. — Что случилось, госпожа?

— Сон мне нехороший приснился. Проснулась — и на сердце тяжело.

— И что же вы видели? — участливо спросила она.

Госпожа Ли пристально посмотрела ей в глаза:

— Привиделось мне, будто выкормила я пса. Кормила его лучшими кусками, холила, а эта скотина, наевшись досыта, обернулась и вцепилась мне в руку.

— Ох, и впрямь дурной знак! — Тянь даже глазом не повела. — Вам бы, госпожа, пожертвовать на благовония, чтобы настоятель молитвой отвел беду.

Госпожа Ли едва не рассмеялась: если человек теряет стыд, он становится воистину непобедим.

— Что ж, пожертвуй одну связку монет. Негоже нам тут объедать монастырь задаром.

— Неужто всего одну? Не маловато ли будет?

— С собой больше нет. В следующий раз добавим, — отрезала Ли.

Матушка Тянь взяла деньги, и лицо её стало мрачнее тучи.

В заднем дворе усадьбы Чэнь Цинъянь, опираясь на деревянное кресло-коляску, упорно тренировался.

Он и впрямь был полон решимости. С тех пор как юноша узнал о коварном плане второго дяди, в нем пробудилась жажда жизни. Теперь он вставал еще до рассвета и к полудню уже мог самостоятельно сделать круг по двору, толкая перед собой тяжелые колеса.

— Отдохни, ты же весь насквозь промок, — Ван Ин подошел к нему, на ходу откусывая сочный помидор, только что сорванный в огороде.

— Не устал, еще немного, — Чэнь Цинъянь тяжело дышал. Пот застилал ему глаза, заставляя болезненно щуриться.

Ван Ин достал платок и осторожно вытер лицо мужа. Они оказались совсем рядом. Цинъянь опустил взгляд и заметил его губы, влажные от томатного сока. Сердце вдруг забилось часто и неровно.

— Не нужно... я сам, — он мягко отвел его руку.

— Не бери в голову. Всеу свое время: будет и дорога в горах, и мост через реку. Раз мы

подготовились — нам нечего бояться его хода.

— Всё это из-за моей слабости, — помрачнел Цинъянь. — Если бы я не болел так долго, второй дядя не посмел бы зариться на наше добро. Если я не встану на ноги, за ним придут другие.

Ван Ин одобрительно кивнул:

— А ты молодец. Заговорил как настоящий мужчина.

Цинъянь вспыхнул до корней волос и пробурчал:

— Разболтался ты...

— Погоди-ка, — Ван Ин отошел к иве, сорвал несколько гибких ветвей с густой листвой и в считанные мгновения сплел из них нечто вроде венка. Он подошел и водрузил это сооружение на голову Цинъяню.

— Это что еще за чепуха?

— Защита от солнца. Дедушка мне такие в детстве делал, очень помогает. Смотри, как удобно!
— Ван Ин сплел второй венок для себя и забавно тряхнул головой.

— Нелепица какая-то... — пробормотал Чэнь Цинъянь, но снимать подарок не стал.

Он лишь слегка улыбнулся и продолжил свой путь по двору. Как ни странно, прохладная зелень ивы и впрямь хорошо укрывала от зноя.

После полудня небо затянуло тяжелыми тучами, предвещая грозу.

Госпожа Ли и матушка Тянь поспешили спуститься с горы, но дождь застал их на полпути. Ливень стоял стеной, вода просачивалась сквозь щели в повозке, и вскоре их платья стали влажными и холодными.

Тянь, вполголоса проклиная погоду, старалась прикрыть госпожу своим плащом. Обычно Ли жалела старую служанку и не позволяла ей так утруждаться, но сегодня она словно нарочно заставила её держать плащ всю дорогу. К моменту приезда домой руки матушки Тянь ныли от усталости, а сама она промокла до нитки.

Служанка надеялась поскорее уйти к себе, но Госпожа Ли пожаловалась на головную боль и

велела ей остаться в покоях на ночное дежурство. Тянь кипела от злости, втайне проклиная хозяйку последними словами.

Когда она переодевалась, из складок её одежды на пол вдруг выпал сверток с мышьяком. Тянь вздрогнула от испуга и быстро спрятала его обратно в карман. Лицо её в этот миг изменилось — в глазах вспыхнула решимость. Обернувшись, она направилась напрямиком в кухню.

Из-за дождя ужин подавали порознь. Дядя Чэнь взял корзину с едой и отнес её в задний двор.

Ван Ин, как и всегда, первым делом достал серебряную шпильку и принялся проверять каждое блюдо. Когда очередь дошла до укрепляющего бульона, который Чэнь Цинъянь пил ежедневно, блестящий металл мгновенно покрылся черным налетом.

Раскат грома заставил их обоих вздрогнуть.

— Началось... — прошептал Ван Ин, стараясь унять дрожь в руках.

— Что теперь делать? — Чэнь Цинъянь смотрел на почерневшую шпильку.

— Без паники. Вылей суп. Дядя Чэнь!

— Я здесь, господин! — старик немедленно вынырнул из тени.

— Режь ту курицу, что мы купили на днях. Нацеди чашу свежей крови.

Курицу привезли тайно и держали в закутке за домом, так что никто из слуг о ней не знал. Спустя несколько минут дядя Чэнь вернулся с чашей.

Ван Ин обмакнул палец в кровь и смазал губы Чэнь Цинъяня. Остаток он выплеснул на пол у кровати.

— Иди за лекарем! Скажи, что молодому господину совсем худо, что он кровью харкает!

— Будет сделано! — старик со всех ног бросился под дождь.

Ван Ин помог Цинъяню устроиться на постели.

— В ближайшие дни тебе придется несладко. Придется лежать неподвижно.

— Это мелочи, — отозвался Цинъянь. — Тебе и матушке будет куда труднее устраивать это

представление и иметь дело с Чэнь Бяо.

— Справимся. Главное помнить: стрела уже выпущена, пути назад нет. Твоему второму дядюшке теперь прямая дорога в темницу.

— Они покусились на мою жизнь, — в голосе Чэнь Цинъяня послышался лед. — Если я отвечу на это добром, чем я буду лучше скотины? За это злодеяние они заплатят сполна.

Весть о том, что молодому господину Чэню стало плохо, мгновенно облетела усадьбу. Госпожа Ли, даже не надев туфель, прибежала в задний двор. Увидев кровь на полу, она смертельно побледнела. Если бы она не знала, что всё это — лишь притворство, она бы лишилась чувств на месте.

Матушка Тянь, прибежавшая следом, тоже выглядела испуганной. Она то и дело хваталась за сердце и беззвучно шептала молитвы.

«У каждого долга есть свой взыскатель... — твердила она про себя. — Это Чэнь Бяо велел тебя извести, я тут ни при чем!»

Её пугало, как быстро подействовал яд — не прошло и часа.

— Цинъянь! — Госпожа Ли опустилась на колени у кровати. Слезы градом покатались по её щекам. Столько раз она видела подобное в своих кошмарах, что сейчас сердце её разрывалось от настоящей боли.

Ван Ин тоже прижал платок к глазам. На ткань он заранее капнул сок имбиря, так что глаза его покраснели.

— Днем всё было хорошо, — всхлипывал он, прерываясь на рыдания. — А после ужина вдруг схватился за живот, кровь хлынула... и вот, без памяти лежит.

— Где лекарь?! Послали за лекарем?

— Дядя Чэнь уже побежал!

В комнату вбежали дети. Увидев брата в таком состоянии, они замерли от ужаса, но, заметив, как Ван Ин едва заметно подмигнул им, сразу успокоились.

Спустя четверть часа в покои вошел запыхавшийся лекарь. Ван Ин велел всем выйти, оставив

лишь Госпожу Ли и детей. Старик долго держал Цинъяня за запястье, а затем с недоумением посмотрел на присутствующих.

— Как он?

— Хм... Странно. Вид изнуренный, но пульс бьёт ровно и сильно, никак не похож на умирающего...

Ван Ин быстро достал два лана серебра и вложил в руку старика.

— Благодарю вас за труды в такой час. Если кто станет спрашивать о здоровье моего мужа — ничего не говорите. Просто качайте головой и тяжело вздыхайте.

Лекарь немедленно спрятал серебро за пазуху и согласно кивнул.

В этот момент Чэнь Цинъюнь громко зарыдала:

— Старший брат! Брат, очнись! Что же мы без тебя делать будем?!

«А у девочки талант», — невольно подумал Ван Ин.

Матушка Тянь, стоявшая за дверью, услышала этот плач и поняла: дело сделано. Под предлогом нужды она выскользнула из усадьбы и под проливным дождем бросилась к своему дому.

В переулке на Нижней улице Люцзы, весь в грязи, постучал в ворота дома Чэнь Бяо.

Ему открыл Чэнь Цинлин.

— Люцзы? Ты чего в такую пору?

— С доброй вестью к второму господину и молодым хозяевам!

В главной комнате еще горели светильники. Чэнь Бяо нетерпеливо подался вперед:

— Ну? Неужто Чэнь Цинъянь всё?

— Матушка своими глазами видела! Кровищи пол в комнате, страх берет. Лекарь пришел, постоял немного да ушел ни с чем. Видно, не жилец он больше.

Тот от радости хлопнул себя по коленям:

— Свершилось! Наконец-то! Думал, до зимы не дотянет, а он всё скрипел... Госпожа Ли еще и женить его вздумала для отвода беды — да только зря все хлопоты!

По обычаям династии У, если в семье не оставалось взрослых мужчин, делами мог заправлять ближайший родственник. Теперь, когда Цинъяня не станет, Чэнь Бяо мог по закону забрать себе всё имущество старшей ветви рода.

— Ладно, ступай. Завтра я сам наведаюсь в усадьбу, посмотрю, как там дела.

Люцзы замялся у порога:

— Второй господин, вы же не забудете про мою помощь?

— Не беспокойся. Что обещал — получишь.

— Ну, тогда я спокоен. Поздравляю вас, господин, с исполнением желаемого.

Когда слуга ушел, Чэнь Цинфэн с презрением бросил:

— Отец, неужто вы и впрямь отдадите этому рабу половину земель?

— Это лишь чтобы язык за зубами держал. Как дело уладится — отправим их на дальний хутор пахать. А станут болтать лишнего — велю забить палками до смерти.

— Поделом им!

— Ладно, не теряйте времени. Собирайте вещи, завтра с утра идем в главный дом!
